

С. Б. Сорочан

О положении и статусе Сугдеи в VI—IX вв.

Большинство работ, в том числе новейших, безоговорочно, на уровне устоявшейся учебной истины включают «оккупированный хазарами Крым» в состав западных земель Хазарского каганата, объявляют его «Крымской Хазарией» [1, с. 46; 2; 3, с. 53; 4, с. 171–224, 226–227; 5, с. 141; 6, с. 112–115; 7, с. 154–155, 157; 8, с. 39–40, 41; 9, с. 78; 10, с. 25; 11, с. 88–94; 12, с. 38–56; 114, с. 424–425]. Даже в коллективной академической монографии, посвященной средневековому Крыму, Северо-Восточному Причерноморью и Закавказью, которая ставит целью подведение итогов многолетних исследований в этом регионе, главу о Крыме VIII—IX вв. венчает непререкаемый подзаголовок — «Хазарское господство» [13, с. 53]. Он вполне соответствует заключительному, столь же непререкаемому выводу о том, что Хазарский каганат вытеснил Византию из Таврики. Боспор, Сугдея, Мангуп и десятки других более мелких пунктов стали принадлежать хазарам и до X в. здесь установилось безраздельное хазарское владычество [13, с. 483].

Иногда обращается внимание на штучные находки вещей салтовского круга (керамика, поясные детали) второй половины VIII—IX вв., приводятся уникальные свидетельства греческой эпиграфики относительно освящения местных христианских храмов при хазарах и, возможно, священниками, носившими тюркские имена, но этому предваряет замечание о том, что хазары использовали принцип не прямого управления зависимыми народами и областями, их «наместники либо замыкали на себе вертикаль уже существующих местных администраций, либо служили передаточным звеном между главой местной администрации и своим правителем, но области и народы, находившиеся под юрисдикцией тудуна, всегда сохраняли самоуправление и даже местные обычаи налогообложения» [12, с. 38–54]. Логичная посылка, вполне подходящая, к примеру, для Албании, но мощное присутствие Византии на Крымском полуострове в «хазарское время», следы функционирования ее властных структур, в том числе финансовых, прослеживаемых на основании сфрагистических источников, входят в противоречие с этим объяснением и требуют разъяснений.

В качестве крымского показательного примера можно обратиться к Сугдее, поскольку этот портовый город Юго-Восточной Таврики уже давно пытаются представить едва ли не как центр хазарского владычества, населенный преимущественно праболгарским, салтово-маяцким населением. Следует еще раз, комплексно, не выхватывая отдельные факты из общего контекста, рассмотреть весь массив свидетельств разнообразных источников и дать им всестороннюю оценку, которая позволит уточнить состояние города в течение четырех столетий его раннесредневековой истории. Едва ли это удастся сделать в рамках одной статьи, но основные концептуальные моменты толкования имеющихся источников все же можно попытаться наметить.

Наиболее убедительно на следы деятельности ромейских властей в Сугдее указывают сенсационные результаты исследований находок компактного скопления более

полутысячи византийских свинцовых печатей и заготовок к ним, которые были обнаружены начиная с 1977 г. в море, на глубине до двух метров, в центральной части бухты Лимена-Кале и при срытии берегового обнажения пляжа, на месте, где в портовой слободе раннесредневекового города с VI—VII вв. (а не с конца VII—начала VIII вв., как иногда ошибочно указывают [14, с. 239]) до XI в., причем без перерыва, находилось аналогичное херсонскому зданию византийской таможни, апофики — торгового склада и, вероятно, помещение с общегородским архивом, в котором хранилась местная документация, церковные грамоты, моливдовулы представителей имперской администрации, в том числе византийских чиновников таможенной и налоговой службы [15, р. 85–98; 16, р. 153–161; 17, с. 120–122; 18, с. 13–14; 19, с. 51–52; 20, с. 83–84; 21, р. 47–58; 22, с. 87–108; 23, с. 446]. Самыми ранними из этого архива к настоящему времени являются моливдовулы сфрагистического типа, распространенного в VI—первой половине VII вв., с именами апоипата Адриана и апоэпарха Андрея [21, р. 50, № 4; р. 51, № 8; 22, с. 98, табл. I, 3]. Следовательно, с этого времени, не позже второй половины VI в., когда в Таврике под контролем ромеев развернулось интенсивное строительство укреплений [подр. см.: 24, с. 166–230], Сугдея тоже оказалась в зоне пристальных интересов византийской администрации, и в ее портовом районе, с южной стороны Крепостной горы было воздвигнуто приморское укрепление бургового типа, тогда как с севера, со стороны суши оборону несла сплошная линия крепостных стен [25, с. 61–70, рис. 4–7]. По этой же причине невозможно относить дату основания города ко второй половине или последней четверти VII в. — она должна быть более ранней [26, с. 145; 27, с. 99; 28, с. 73; 4, с. 194; 28, с. 98; 29, с. 83; ср.: 25, с. 47–74]¹.

Печать апоипата Кириана, главного логофета апофики Константинополя конца VII в. указывает на торговые связи со столицей Империи [22, с. 99]. К этому времени это был уже далеко известный город, удостоенный упоминания вслед за Готфией (Getho Githorum) и перед Фанагорией (Fanagorum) в создававшейся тогда «Космографии» анонима из Равенны [31, с. CLXIII; 32, р. 42]. Моливдулы коммеркиариев апофик VII—первой трети VIII вв. и императорских коммеркий последующего времени свидетельствуют о прямых, регулярных торговых связях, существовавших у города с территорией северного побережья Малой Азии (провинциями Онориады, Пафлагонии, Понта, Опсикия), а также с Полемонием [17, с. 121–122]. К IX в. относятся три из девяти обнаруженных печатей логофетов геникона. Город постоянно решал какие-то торговые, финансовые вопросы с ромейской центральной администрацией и был обременен налоговыми проблемами. Поэтому мнение о создании сугдейской таможни ...хазарами (sic!) в начале VIII в. входит в противоречие с имеющимися византийскими сфрагистическими источниками и ничем не обоснованно [см.: 4, с. 205; 13, с. 57, 59].

Совместная эксплуатация этого, действительно, важнейшего порта региона предусматривала бы обоюдное согласие сторон на любое нововведение фискального характера, что, очевидно, и было достигнуто. Оба архива — херсонский и сугдейский — почти одновременны и эта синхронность наводит на размышления о том, что причиной их появления стали процессы, связанные с ромейской, а не хазарской историей Таврики. На фоне этих массовых находок странным выглядит заявление об отсутствии «...хотя бы единого, даже косвенного факта подчинения... Сугдеи в это время византийскому императору или византийским государственным чиновникам» [12, с. 39]. Тем более, как будет указано ниже, это не единственные факты из имеющихся.

¹ А. В. Джанов ссылается при этом на «большинство исследователей», упоминая конкретно И. А. Баранова, но приводит лапидарные и нумизматические материалы, которые могут быть увязаны с существованием на месте Сугдеи во II—III вв. морского сторожевого пункта Боспорского царства, а затем укрепленного поселения, переросшего в ранневизантийский город — кастрон.

Едва ли в основании Сугдеи принимали участие сугды — адыгские переселенцы из низовий Кубани, откуда они были вытеснены хазарами в конце VII—начале VIII вв. [33, с. 47; 26, с. 145, 147, 149; 34, с. 100; 4, с. 194]. Сфрагистические и археологические материалы не оставляют сомнений, что возникновение города произошло гораздо раньше последней четверти VII в., по меньшей мере в VI в., и «Космография» Равеннского анонима, датируемая последней третью VII—началом VIII вв., отразила под ойконимом Sugdabon, даже если оно действительно тюркское, отнюдь не новейшее на тот момент свидетельство о его существовании [ср.: 13, с. 57; 35, с. 421–430]. Наличие кордонной кладки на известковом растворе в его оборонительных сооружениях со стороны суши и с моря (отдельная башня размером 15,6×15 м, бургового типа, с арочными воротами в сторону берега в портовом районе) указывает на самый ранний этап оборонительного строительства этого мощного ранневизантийского приморского укрепления, назначением которого было охранять порт, обслуживавший византийские корабли, совершавшие плавания между Херсоном и Боспором, то есть играть ту же роль на рубежной территории Юго-Восточного и Восточного Крыма, что фруры Алустон и в Горзувитах на участке Южного Крыма [36, с. 190; 37, с. 139–142, рис. 1–4; 38, с. 38; 25, с. 53–54, 59–70, рис. 4–8; 24, с. 424 — 426, рис. 119].

В течение второй половины VI—VII вв. здесь вели дела не только апоэпарх, то есть отставной эпарх Андрей, ипат Стратигий (?), некий безымянный ипат, табулларий Иоанн, хартуларий Петр — византийские чиновники, нотариусы, секретари, связанные с оформлением, записью и регистрацией различных документов, актов, в том числе муниципального характера, но и имевшие личные печати некие Феодосий, Адриан или Андрей, очевидно, местные функционеры [22, с. 99–100; 39, с. 172, № 3; 21, р. 50–52, № 4, 5, 7–10; ср.: 40, I. 1–26; с. 107–127; 41, р. 310, 321; 42, р. 25; 43, Приложение Б, с. 3, 7, 9]. Во всяком случае, отсутствие указаний титулов и должностей на последних показывает, что печати были не официальные, а частные [ср.: 44, с. 120]. Подобные находки VI—VII вв. известны и в византийском Херсоне, хотя они еще не введены в научный оборот¹. Но особо следует отметить, что каждая пятая из прочтенных первыми 50 печатей судакского общегородского архива принадлежала архонтам Херсона в сане императорских спафариев или императорских спафарокандидатов и имела на лицевой стороне крестообразную монограмму с характерной тетрогограммой to so doulo. Е. В. Степанова датирует IX в. все экземпляры этой самой многочисленной группы сугдейских моливдулов, числом не менее 11, однако надо учесть, что после середины столетия печати херсонских архонтов исчезают, будучи заменены печатями стратигов [45, с. 24; 46, 231; 22, с. 101–102; ср.: 47, с. 313; 24, с. 640–641]. Обилие моливдулов херсонских архонтов при отсутствии печатей василевсов и печатей известных византийских семей указывает, вероятно, не только на активизацию политических и экономических связей архонтата с Сугдеей, но и на подконтрольный, зависимый статус последней от властей Херсона, куда напрямую шли указы из Константинополя, и где моливдулы византийских императоров, действительно, хорошо известны в сфрагистических материалах [22, с. 106].

Только наличием режима византийско-хазарского «совладения» (кондоминиума) можно объяснить, почему, согласно старославянской (по рукописи XVI в. из библиотеки Московской Духовной Академии) и армянской (не позднее 843 г.) версий Жития Стефана Сурожского (Сугдейского), здесь разместился, вероятно, хазарский тумен во главе с начальником — тарханом (если понимать под ним легендарного Георгия Тархана) при одновременном сохранении византийских светских и церковных властей, причем случилось это не ранее конца 40-х гг. VIII в., учитывая международную политическую ситуацию, ожесточенные столкновения 730-х гг. с арабами, отвлекавшие

¹ Приношу благодарность за эти сведения К. Д. Смычкову, в коллекции которого хранится несколько аналогичных «безтитულных» моливдулов.

все силы хазар, а также последовательность повествования агиографа [ср.: 48, с. 42–43; 2, с. 14; 20, с. 83–87]. Не исключено, что это событие было ближе к середине VIII в., ибо именно в это время сюда начался приток алано-булгарского населения с земель Хазарского каганата более интенсивно, чем прежде, ставших осваивать области Кубани, Северского Донца, Дона и Восточного Крыма, где они, очевидно, с обоюдного согласия ромейских и хазарских властей, селились на пустующих землях, в неукрепленных поселениях, и принимали христианство [ср.: 14, с. 238–239].

Именно этим хазарам или тюрко-булгарам исследователи приписывают оборудование в Сугдее «каменного капища» с зольником — ритуального языческого святилища «башенного типа» с очагами и алтарем на круглой ритуальной площадке, покрытой слоем глиняной обмазки, известкового раствора и обнесенной четырехугольной каменной оградой [26, с. 147–150; 27, с. 96–103; 28, с. 71–72, 85, рис. 1, 1; 49, с. 130–131; 50, с. 289–290; 51, с. 41–42; 29, с. 98–110; 52, с. 456]. Оно было устроено на участке куртины XV, но, примечательно, за пределами оборонительных стен города. Да и было ли это «тюркское капище», функционировавшее «без видимых перерывов» «со второй половины VIII в. и до середины X в.»? Следы его недостаточно выразительны, а происходящие из комплекса известняковую фигуру с отбитым лицом или бронзовую подвеску в виде лошади едва ли можно безоговорочно считать идолом или амулетом [28, с. 86, рис. 2, 1; 9]. Еще более неожиданно присутствие в языческом святилище изображения креста, прочерченного на одном из фрагментов лепного сосуда [28, с. 86, рис. 2, 7]¹. Следы зольника вполне могли иметь связь с хозяйственной, производственной деятельностью, а не с культом огня или иудейским святилищем [ср.: 53, с. 376–377].

Обращают также внимание находки среди развала нескольких фрагментов каменных профилированных массивных карнизов, многочисленных крупных плит, блоков, в том числе с изображением прочерченного циркулем креста в круге, большой каменной плиты с шестью углублениями в ряд, которая, вероятно, служила крышкой массивного саркофага и использовалась для установки свечников, канделябров или лампадофоров на штырях. Здесь же, в кладке построенной позже жилой усадьбы в 1988 г. оказался обнаружен песчаниковый блок (46×17,5×17 см) с небрежно вырезанной греческой ктиторской или надгробной надписью в четыре строки «О спасении (или «о молитве», «о памяти») и/отпущении грехов/Христофора (или Христудула)/ Аминь» и следами известкового раствора на тыльной стороне, указывающими, что надпись была вмонтирована в стену. Палеографические особенности, прежде всего начертание альфы со средней ломаной гостой, позволяют относить ее ко времени до середины IX в. Все это указывает, скорее, на остатки довольно крупного византийского храма или мартирия постюстиниановского времени, развал которого сполз по оврагу вниз, нежели на языческое святилище поклонников бога — героя Тенгри, к тому же разрушенного, судя по фрагментам амфор с рифлением в виде набегающей волны, уже до второй половины VII в., когда здесь могли появиться хазары [подр. см.: 25, с. 55–59, рис. 1–3; 54, с. 408–410, № 4].

Как верно заметила Е. В. Степанова, учитывая военное присутствие властей хазар в лице представителей родовой знати, можно было бы ожидать, что в архиве Сугдеи будут отсутствовать печати VIII—IX вв.: «Более того, если предположить, что византийская таможня с архивом в это время перестанет существовать, то уничтоженной оказалась бы и самая ранняя часть архива, то есть печати VII—VIII вв.» [22, с. 101]. Но ничего этого нет. Более того, количество моливдулов в это время увеличивается (до 25,2 % против 15 % от VII—VIII вв.), что заставляет весьма скромно оценивать роль и степень влияния хазар в городе, хотя и не отрицать их вовсе. Так, Ю. М. Могаричев

¹ На участке куртины XV обнаружена прямоугольная архитектурная деталь из сланца, на которой процарапан «звезда Давида» и тамгообразный знак, но находка относится к слоям X—XI вв. и, видимо, не имеет связи с предшествующим сооружением [53, с. 377].

считает гипотетически возможным говорить о подчиненности Сугдеи хазарам во второй половине VIII в., но в то же время более вероятной он видит ее византийской и только византийской, как и весь Крымский полуостров, на который хазары, по его мнению, совершенно не претендовали до 80-х гг. VIII в., хотя дань получали [14, с. 238–239]. Противоречивость такого предположения бросается в глаза и требует объяснений, которых автор не предоставляет. К тому же присутствие хазар в Сугдее и некоторой части пришлого салтовского населения, в массе своей еще не христианизированного, в окрестностях города во второй половине VIII в. исследователь не отвергает, хотя такого рода места не назовешь «не заселенными», «пустующими», где переселенцам разрешалось селиться с ведома византийского правительства [14, с. 239, 243, 244].

Вряд ли гипотетический тумен насчитывал 10 тыс. воинов, как иногда указывают, поскольку вся армия Хазар-Тархана во время войны с арабами в 738 г., когда решалась судьба государства, насчитывала 40 тыс. человек [55, с. 250–251]. Но даже менее значительный военный отряд, если он вообще имел место, численностью до двух тысяч человек, на какие обычно разбивалась кочевая армия, косвенно указывает на зажиточность Сугдеи и ее округи, способных обеспечить столь крупный военный лагерь. Такой город был в состоянии «творити позор или конем уристание» для своих жителей и съезжавшегося окрестного люда, как об этом рассказывает позднее пространное старославянское Житие Стефана Сурожского, хотя В. Г. Васильевский, в целом доверявший источнику, видел в данном пассаже «слишком роскошный анахронизм», сотворенный буйным воображением далекого агиографа [31, с. ССХХХХVII, 86. 25–26; гл. 16]¹.

Согласно другому, синаксарному греческому житию (по рукописи из Халкинского монастыря), написанному уроженцем города, знатоком местных преданий, в «славном городе Сугдее» в правление патриарха Германа (715–730) уже был собственный предстоятель, то есть существовала отдельная Сугдейская епархия. После кончины ее главы сугдейские власти обратились в Константинополь за новым иереем, отчего сюда из столицы прибыл в «царском корабле» константинопольский монах Стефан, законно получивший от патриарха Константинопольского здешний «архиерейский престол» (*top archieratikon thronon*) [31, с. 73–74, гл. 2; с. 84, гл. 13]². Армянский синаксарный вариант Жития, прототип которого явно относится еще к иконоборскому времени, подтверждает эти сведения и уточняет, что назначение Стефана «епископом митрополии Сугдеи», то есть главного города епархии, состоялось при патриархе Германе и императоре Феодосии (715–717) [61, р. 867]. Более того, в VIII в. Сугдея могла на время стать вместо кавказского Никопсиса (кастроны на одноименной реке, вероятно, Нечепсухо к северу от Туапсе) центром автокефальной, подчиненной Константинопольскому патриархату Зихийской епархии, которая обычно включала Херсонскую, Боспорскую и Никопсийскую кафедры. Во всяком случае, notiция де Боора (№ 3 по Дарруже), созданная в своей основе, скорее всего, к концу VIII в. и дополненная к третьей четверти IX в., в списке архиепископий включает в Зихию именно Сугдею, тогда как Никопсис переместился в состав епархии Авагии (Абхазии) [ср.: 62, Notitiae 1, № 64, р. 31, note 3; р. 206; Notitiae 2, № 68, р. 218; Notitiae 3, № 84, р. 232; Notitiae 4, № 69, р. 266].

Следовательно, в условиях системы византийско-хазарского «двоевластия» наблюдалось постепенное, методичное упрочение как торгово-экономических связей с Византией, так и позиций ромейской Церкви в Таврике, которые пока не встречали противодействия со стороны хазар, очевидно, долгое время, как и ромеи, удов-

¹ У нас нет оснований утверждать, что поздний славянский компилятор располагал достоверным источником, но и нет оснований отрицать это [ср.: 56, с. 79].

² Ю. М. Могаричев дает ошибочный перевод — «архиепископский престол», хотя речь идет об архиерейском, т. е. епископском престоле, и отодвигает возникновение Сугдейской епархии ко времени около 750 г., что входит в явное противоречие со сведениями источника [57, с. 262, 264–265; ср.: 58, с. 42–43, 50; 59, с. 40; 60, с. 253; 34, с. 100; 4, с. 206].

летворявшихся удобным статусом кондоминиума и не помышлявших о превращении здешних земель в «Крымскую Хазарию».

Итак, нет оснований считать, что Сугдея была основана хазарами в конце VII в. и «несомненно, входила в область хазарских владений», только в состав Хазарского каганата [4, с. 194; 63, с. 269, 270; 64, с. 333; 22, с. 100]. Во-первых, к этому времени здесь уже существовал достаточно развитый ранневизантийский торгово-ремесленный центр — эмпорий, на что указывают византийские моливдовулы типов второй половины VI—первой половины VII вв., прочие археологические находки конца V—первой половины VII вв. (в окрестностях — еще более раннего времени, II—V вв.) [25, с. 45–74], а во-вторых, хазарское общество было столь далеко от стадии урбанизации, что говорить об основании хазарами городов по меньшей мере странно. Предания самих сугдейцев тоже не связывали возникновение их города (to kas[t]ron tes sougddaias) с хазарами и относили его к 5720 г. от сотворения мира (212 г. н. э.), если следовать тексту приписок 1296, 1345 и 1411 гг. на полях Сугдейского синаксаря [65, с. 61–63]. Ни в греческой, ни в армянской, ни в старославянской редакции, пространной или краткой, синаксарной версии Жития св. Стефана Сурожского не сказано о том, что проповедь новоназначенного епископа велась именно среди «язычников-хазар».

Вместе с тем в Сугдее и ее пригороде жили не только греки и не только христиане, число которых постепенно росло и особенно интенсивно с 50-х гг. VIII в., когда началась более интенсивная, чем прежде колонизация крымских земель из Хазарии [см.: 14, с. 238, 239]. Отсюда понятно, почему прибывшему в город грекоязычному епископу Стефану пришлось общаться с некоторыми из обращавшихся к нему через переводчиков, знавших два языка [31, с. 85, гл. 15]. Видимо, именно так он мог «укреплять в вере верных и крестить неверных по всей этой языческой стране», которая, впрочем, судя по находке храмов VIII—IX вв. в районе Судака, была не столь уж языческой [61, р. 867; 31, с. 86–87 (старославянская редакция Жития сообщает о поставлении Стефаном множества пресвитеров, диаконов, клириков и главный итог: «за 5 лѣт крести весь град и окрестные села его»); ср.: 66, с. 187–191, рис. 4; 67, с. 137–140]. На это же указывают обломок рельефной иконы из прочного нуммулитового известняка, вероятно, с посвятительной надписью на нижнем бортике рельефа «Приношение Симона монаха (или — «грешного Симона»), надпись «Господи, помоги Захарии, пресвитеру...», выполненная на штукатурке монастыря на склоне горы Перчем, надгробная или посвятительная надпись VIII в. «О блаженной памяти и упокоении имярек» и другие подобные, отнюдь не единичные находки [54, с. 408–410, № 4; с. 412, № 6; с. 413–414, № 7; с. 414–416, № 8; с. 417–418, № 10; с. 418–420, № 11]. Кроме того, послушать епископа и поговорить, посоветоваться с ним приходил, согласно старославянской версии Жития, некий любимый преподобным «князь Юрий (Георгий) тархан», который «по закону Божию правяще власть свою» [31, с. 95, гл. 30]. Этим почетным титулом тюрки величали представителей своей родовой знати, людей, близких к хагану и так же привыкли называть хазарских аристократов иные народы [68, S. 299–300; 69, р. 72; 60, с. 153, 189, 219, 244–246; 70, с. 117–119; 71, с. 219; 72, с. 156]. Такие знатные лица освобождались в каганате от уплаты налогов в обмен на военную и дипломатическую службу и выставление воинских контингентов, которые они обязаны были снабжать всем необходимым [43, Приложение Б. — С. 7 (Тархан)]. Бывало, этим титулом награждали местных правителей из числа тех, что зависели от Хазарского каганата, хотя А. Ю. Виноградов и А. В. Комар считают такое мнение ошибочным [71, с. 219; 12, с. 40–41]. Но если сугдейский владелец титула «тархан» и был знатный тюрк, то крещеный, причем не обязательно Стефаном, ибо в таком случае составитель Жития не преминул бы упомянуть это лестное для его героя обстоятельство [ср.: 2, с. 28]. Он осуществлял в Сугдее функции правительственно-представительские, но, судя по многочисленным моливдовулам, явно делил их с византийскими властями, а судя по данным агиографии —

с византийским епископом Стефаном, который помогал ему править «по закону Божьему», то есть в интересах ромеев, а не только по указке хагана хазар.

Армянский синаксарный вариант Жития, восходящий к греческому оригиналу иконоборской эпохи и переработанный не ранее конца IX в., относит происходящее к правлению «Константина Коприна (Копронима), который правил с верой во Христа и с благочестием» и уточняет, что хазарский «царь Вирхор», не обязательно сам хаган, а, возможно, еще один его знатный наместник — тудун ек просорои, правитель более высокого ранга, чем сугдейский, «в это время... жил в Керчи», то есть Боспоре, который, учитывая свидетельства о наличии здесь византийского присутствия и церковных властей, являл собой, следовательно, такой же кондоминатный центр, что и Сугдея [см.: 24, с. 374–392]¹. Он вызвал к себе «правителя Сугдеи, по имени Георгий, по фамилии Тархан», но тот опасался идти, заявляя епископу Стефану: «Святой отче, царь зовет меня, и моя душа трепещет — зачем он меня призывает», но святой успокоил его, объяснив, что «этот вызов — к добру», что его зовут, чтобы женить, однако соединение его с этой женщиной «произойдет через три года и тогда же Георгий построит церковь во имя Святой Троицы» [61, р. 872–873]. Следовательно, названный правитель несомненно христианин, хотя и тюрк, который с неохотой, под принуждением подчиняется хазарским властям, идет на брак по указке из соображений политической надобности, чтобы не ухудшить создавшееся положение вещей, но послушен воле ромейской Церкви, обладавшей в окраинных византийских владениях политической силой, не намного уступавшей светской власти. Он повинуется наместнику хагана или самому хагану, от которого, возможно, в свое время получил почетный, «дворянский» титул тархан, ставший его фамилией. Однако принимает ответственные решения, делает все этот сугдейский правитель с оглядкой на византийского епископа, причем не простого, а пользующегося личным покровительством семейства правившего василевса. Он кается в своих прегрешениях и готов замаливать их сооружением храма. Все это вместе взятое свидетельствует в пользу отсутствия серьезных столкновений между местными византийскими и хазарскими властями, действовавшими в режиме соглашения о взаимном равноправном владении и заинтересованных в его поддержании. Только с этой точки зрения будет правильно говорить о Сугдее как о «византийском и хазарском городе» [ср.: 75, с. 11].

Константинопольское правительство желало быть уверенным в лояльности поданных своих заморских крымских владений и пристально следило за всем происходившим там. По словам греческого, возможно, сугдейского агиографа, в разгар иконоборства, вероятно, во второй половине 30-х гг. VIII в., после пяти лет служения на кафедре (если следовать старославянской версии источника), не внушавший поначалу доверия епископ Сугдеи был отозван в столицу, куда его доставили на корабле специально посланные для этого императорские «воины-щитоносцы и исполнители судебных приговоров» (*synaspistas... kai sympraktoras*) [31, с. 75, гл. 3]. Следует особо обратить внимание, что эти царские «щитоносцы» и «исполнители» совершенно свободно действовали в городе — еще один факт его подчиненности власти василевса. Армянская синаксарная редакция уточняет, что это случилось незадолго до смерти Льва III Исавра в 740 г., когда Стефан, прибывший в столицу, якобы вступил в спор с василевсом и в результате этого конфликта попал в тюрьму, откуда был выпущен при сыне Льва, Константине V, благодаря заступничеству

¹ Топоним «Керчь» действительно указывает на более позднюю переработку армянского варианта Жития, однако это не дает оснований думать, что эпизод с Георгием Тарханом был привнесен в него обязательно из старославянского агиографического источника «не ранее середины XIII—XIV вв», поскольку в арабо-персидских, а затем хазарских письменных источниках Керчь в разных производных фигурировала по меньшей мере уже с 80-х гг. IX в. [14, с. 240; ср.: 73, с. 167; 74, с. 75–76].

жены последнего, Ирины, по словам Феофана, «отличавшейся благочестием» [61, р. 871; 48, с. 42; 76, р. 410. 1–3; 77, S. 10]¹. В 749 г. он даже крестил сына Константина, видимо, Льва Хазара, будущего императора, что свидетельствует о полном прекращении опалы, если таковая была, и с почетом, одаренный василевсом, на корабле царского флота отплыл обратно в Сугдею, где застал в городе появившегося к тому времени, в период между 740 и 749 гг., Георгия Тархана и прочих сугдейцев, как и ромеи, переживших к тому времени некие «трудные времена», возможно, связанные не только с размещением военных сил хазар и ростом налогов в казну хагана и василевса, но и с последствиями пика пандемии чумы 746–747 гг. — последней мощной вспышкой латентно длившейся «Юстиниановой смерти» [61, р. 871–872; 48, с. 43]².

Таким образом, «много испытыв и вынесши», Стефан со временем был вновь возвращен на прежнее место в прежнем сане, очевидно, несмотря ни на что, сумев зарекомендовать себя в глазах ромейских властей [31, с. 76, гл. 4]. Уже сам этот факт, который можно было замаскировать, но не скрыть, заставляет заподозрить в Стефане не столь стойкого и ревностного почитателя икон, каким его, вслед за тенденциозно настроенными агиографами, несколько изменявшими первоначальный сюжет иконоборского Жития, иногда хотят представить исследователи, муссирующие свидетельство о мнимой «ссылке» и жестоких репрессиях [см.: 83, р. 114; 84, с. 61; 85, р. 326, 330; 9, с. 76–77]. Очевидно, епископ имел устойчивые связи с официальным Константинополем, пользовался расположением царской семьи, его деятельность вполне вписывалась в императорский курс, а Сугдея была не большим «оплотом православия», чем Херсон, власти которого, духовные и светские, тоже не хотели идти наперекор воле столицы Империи и множить ряды мучеников — иконодулов. Последующая канонизация епископа могла объясняться не его подвигами во славу иконопочитания, а принципиально важными успехами в качестве «делателя мира» между ромеями и хазарами, успехами на ниве христианизации местного гетерогенного, отнюдь не только салтово-маяцкого населения, и в деле укрепления позиций кафедры, которая была создана, если верить указаниям агиографа, в доиконоборский период, но основательно окрепла именно при служении Стефана, ее предстоятелем. Во всяком случае, имеющиеся агиографические источники не сообщают о том, что «..возникновение Сугдейской епископии следует датировать между 750 г. (рождение Ириной старшего сына, будущего Льва Хазарина, которого якобы крестил Стефан находясь еще в Константинополе) и 752 г. (смерть императрицы)» [14, с. 244]. Не доверять же греческому синаксарному и армянскому вариантам источников, четко указывающим, что Стефан сменил в Сугдее прежнего урмершего предстоятеля, нет оснований.

Официальный Константинопольский синаксарь или Минология времени Василия II (976–1025) добавляет к этому интересные детали, рассказывая о расправе в середине

¹ Жена Константина, Ирина (до крещения — Чечак — «Цветок»), принцесса хазарских кровей, умрет через три года, в 751 г. О дате ее смерти см.: 78, с. 344, прим. 916. В старославянской версии Жития она названа «дочерью керченского царя», то есть имеется в виду не хагана хазар, ставка которого находилась за пределами Таврики, а его наместника, причем данное ей имя — Феодора не отвечает действительности.

² О высылке Стефана в Сугдею без подробностей, соответствующих версии о его опале, сообщает и вариант Жития из Синаксаря Константинопольской церкви (Синаксарь Сирмонда) [79, col. 263]. О пандемии чумы и связанных с ней потерях, запустении [см.: 76, р. 422–423; 80, р. 57 s.; 81, с. 341; 82, с. 342].

³ Вывод о том, что Стефан Сурожский не был идейным борцом с иконоборством, впервые был высказан мной и Ю. М. Могаричевым независимо друг от друга [ср.: 86, с. 30; 87, с. 518–519]. Ныне аргументация этого установленного факта развивается дальше [см.: 57, с. 262–264; 14, с. 240–243].

60-х гг. VIII в. над наиболее стойкими амнимоневтами, сподвижниками знаменитого мученика Стефана Нового. Один из них, стратиот, был отправлен василевсом Константином Копронимом в Херсон. В этом оплоте иконоборцев, верных императорскому курсу, его едва не убили, и, чтобы спастись от расправы, он был вынужден бежать в соседнюю Хазарию, после чего якобы был поставлен там епископом¹. Некий же Стефан, одноименный Стефану Сугдейскому, которому агиографы по понятным соображениям приписывают исповедание ортодоксального православия, невзирая на это отягощающее на тот момент обстоятельство, был освобожден из тюремного заточения и отправлен в Сугдею, где принес «много выгоды, пользы» (pollous orphelesas), надо понимать не только в деле поставления священников, крещения, укрепления верных в вере, но и в посредничестве с хазарскими властями [31, с. ССІХ; 85, р. 326]. Нет сомнений, что в этой переключке источников, появившихся после победы иконопочитания, выступает надуманная тенденция, вопреки фактам, представить сугдейских предстоятелей страдальцами за веру и столпами православной ортодоксии, какими они едва ли были, но тем не менее они имеют зерном реальные эпизоды и реальных людей, действовавших в Сугдее в эпоху иконоборства.

Согласно синаксарному армянскому варианту Жития, Стефан пробыл епископом 35 лет и умер в 70-летнем возрасте 15 декабря [61, р. 874]. Это могло произойти, исходя из разных сведений Жития, в период между 750 и 765 гг.². Выходит, Минология Василия II сообщает об отправке в Сугдею в середине 60-х гг. не того же Стефана Сугдейского, а под четырьмя заседаниями и определением Символа Веры в актах VII Вселенского синода 787 г. в Никее, вернувшему иконопочитание, стояли подписи преемника, тоже Стефана, «недостойного епископа города Сугдейского» (Stephanos anaxios episkopos poleos Sougdaon или episkopos Sougdaias), так сказать, Стефана II (или даже Стефана III), но не самого причисленного к лику святых Стефана Исповедника (Сурожского), как принято считать [92, р. 62–63; 93, с. 390, 480, 586, 693; ср.: 94, с. 63–64, 123–124; 31, с. CLXIII, CCVIII, CCXVI; 77, S. 62; 4, с. 206; 95, с. 562, прим. 24]³.

¹ Рассказ об этом был впервые включен в составленное в 807–810 гг. константинопольским диаконом Стефаном Житие Стефана Нового, убитого в ноябре 765 г. [88, col. 1181; 89, с. 187; 6, с. 104]. Он же с некоторыми вариациями был повторен в греческой синаксарной редакции, где тоже говорилось о ссылке в Херсон какого-то отшельника из Состениона, которому был отрезан нос, а угроза смерти заставила бежать в Хазарию и стать там епископом [79, col. 363. 20–264. 10; 77, S. 62]. А. Л. Бертье-Делагард предлагал понимать в данном случае под Хазарией политический термин, означавший Боспор или земли на южном берегу Крыма, на которые распространялось влияние хазар [58, с. 46]. Однако нельзя исключать возможность осуществления миссионерской деятельности в собственно Хазарии, за пределами Таврики, где, вопреки византийским правилам, мог действовать предстоятель без постоянной кафедры, не признанный официальным Константинополем. К примеру, на курганном кладбище под городищем Беленджер (на р. Сулак в Дагестане) обнаружены две небольшие церкви, выстроенные как раз в VIII в. и свидетельствующие о том, что кто-то проводил христианизацию хазар, прежде всего знати [90, с. 27].

² Точкой отсчета может служить либо время правления Феодосия (715–717), либо время патриаршества Германа (715–730), который рукоположил Стефана в епископы. И тот, и другой указаны в старославянской и в армянской редакциях Жития, тогда как греческий синаксарный вариант сообщает, что при них Стефан прибыл из своего родного каппадокийского села Моривас в Константинополь, где вступил в монастырь [ср.: 31, с. 72–98; 48, с. 43]. Наиболее близкие к указанным основные хронологические вехи биографии Стефана Сугдейского в свое время предложил Фридрих Вестберг на основе критики греческого и славянского текстов Жития [91, с. 228–233].

³ Об этом епископе Стефане как одном из последующих после св. Стефана Сугдейского см.: 85, р. 326; 57, с. 266; 14, с. 245. Если принять во внимание указание старославянской редакции Жития, что «предстоятеля славного города Сугдеи», которого сменил Стефан Сурожский, тоже звали Стефан, тогда мы имеем случай последовательной сменяемости на одном престоле в течении ста лет трех епископов с одинаковым именем.

При распространении имени Стефан в этом нет ничего необычного. Достаточно вспомнить ранневизантийское надгробие из Херсонеса с упоминанием трех упокоившихся пресвитеров, два из которых носили одинаковое имя Стефан [96, с. 28, № 13].

Видимо, влияние морской торговли оказалось весьма благоприятным для процветания города и формирования его в течение VI—IX вв. как укрепленного провинциально-византийского торгового порта и промыслово-ремесленного центра. Недоразумением является утверждение об отсутствии городской застройки в некой «хазарской» части города, в чем видится «номадский след» [ср.: 97, с. 277]. На самом деле Сугдея оборонительной стеной толщиной 2,00–2,20 м, сложенной уже не в ранней кордонной технике (логом и тычком), а из хорошо обработанных прямоугольных блоков на известняковом растворе, с четким соблюдением рядов и фундаментом из крупных глыб песчаника, впущенных на глубину от 0,5 до 0,65 м [98, с. 20–21; 75, с. 11]. Все это время шло ее развитие, которое завершилось, в целом, к X в., когда на северном склоне Крепостной горы разрослись террасированные кварталы с упорядоченной планировкой, а рядом с портом, на широких, до 18 м террасах по склонам балки между горами Полвани-Оба и Дженеvez-Кая сложилась ремесленная слобода, охватившая почти 4,5 га [99, с. 244; 25, с. 61]. Здесь обнаружены эргастрии, датируемые второй половиной VII—первой половиной VIII в., а остатки их производства — на дне бухты Лимена-Кале и у подножья Крепостной горы. К ним относятся отходы бронзового, медного, серебрянного литья, обломки самих литейных форм, заготовки и пробные отливки пряжек, разнообразных нательных крестов, поясные бляхи, ювелирный лом и заготовки ювелирных украшений, золотая бижутерия для расшивки одежды, провололочные серьги, а также византийские амфоры, посуда, в том числе стеклянная, отчасти, видимо, местного происхождения, на что указывает весьма примечательная находка в 1993 г. глиняного сосуда с застывшей стеклянной массой [98, с. 23–24; 2, с. 20; 19, с. 49–50, рис. 1 — 3; 100, с. 41].

Обращают внимание также находки вдоль всего берега бухты Лимена-Кале свинцовых крестов и моделей корабельных якорей, которые изготовлялись ремесленниками в качестве амулетов, оберегавших грузы и суда [23, с. 442–446]¹. Освященные в церкви, они охотно приобретались моряками в качестве официально узаконенных филактериев, которые, вероятно, бросали в море на удачу. В местах, где концентрировались товары, они могли служить и в качестве пломб для опечатки грузов, но, учитывая отсутствие таких массовых свинцовых крестов и якорей в Херсоне и Боспоре, видимо, это была сугдейская традиция. Среди находок оказались и непременные аксессуары торгового оборудования — значительное количество византийских маркированных гирь, остатки весов — зигий, монеты, даже золотые, чеканенные в Константинополе в правление Льва III, Константина V, которые запрещалось вывозить за пределы Империи, торговые свинцовые печати из Сасанидского Ирана и Закавказья [19, с. 52; 102, с. 431–435, табл. II]. Последние указывают на развитие в это время посреднической торговли с Востоком, в которой Сугдея, видимо, играла не последнюю роль. Моливодвулы коммеркиариев подчеркивают ее особое значение в монопольной торговле государства шелковыми изделиями и в трафике других товаров. Разумеется, через сугдейский порт направлялись не только грузы из Византии, но и что-то шло в обратном направлении, возможно, чужеземные предметы роскоши, пряности, специи, продовольствие, поставки собранного у крымских подданных василевса.

Обращает также внимание то, что количество византийских золотых монет, обнаруженных за последние 20 лет в Судаке, в два раза превосходит все известные

¹ Уже само наличие крестов не позволяет видеть в этих предметах некие языческие талисманы, которые приносили в святилище на берегу бухты «в качестве одного из пожертвований морским богам» [см.: 101, с. 276–279, рис. 1, 1–8].

находки подобных монет в Крыму [102, с. 435]. Они довольно сильно обрезаны по краям, но не настолько, чтобы испортить изображение василевсов на основном поле монеты, ограниченном ободком, что опять-таки выдает руку подданных Империи, которые таким образом, видимо, пытались компенсировать нехватку разменных денег в обращении и, судя по весу, низводили обрезанные солиды до соответствующих по весу и диаметру частям солида — семиссу (от 1,75 до 3 г), особенно ходовому тремиссу (от 1,31 до 1,54 г) и четверти солида (от 1 до 1,07 г), номиналу, которого не было в Византии, но который мог быть вызван к жизни потребностями местных крымских рынков [102, с. 439–441]. О том, что такие монеты находились среди грекоязычного населения, не обязательно салтовского, свидетельствуют граффити в виде букв или лигатур из букв греческого алфавита, которые, как и знаки в виде черточек, параллельных линий, углов, дуги, вероятно, имели цифровое значение и наносились в процессе взвешивания денежных сумм, при их подсчете [103, с. 45–46].

Нельзя не заметить, что все редакции Жития, в том числе пространная старославянская, изображают Сугдею как город не с «варварским», болгарским, салтовским, а с греческим, христианским обликом, в котором кипит деловая жизнь. Епископ Стефан излагал свои поучения, проповеди «не только в церкви, но и в домах и на торжищах», причем приходившие слушать его «ремесленники оставляли свои дела, а строители городские свои строения» [31, с. 85–86, гл. 15–16]. В данном случае этот житийный штамп не противоречит археологическому материалу. Известно, что усиленное византийское строительство продолжалось вестись в VIII в. даже на окраинах Судакской долины, то есть в пределах Сугдейской епархии [104, с. 47, 55]. Здесь же, на берегу бухты Нового Света, на склонах г. Перчем и в пос. Лесное действовали мастерские с большими двухъярусными гончарными горнами для обжига амфорной тары VIII—X вв., бронзолитейные эргастрии, на что указывают находки криц, известняковой литейной формы для изготовления колтов, остатки литейной печи, шлак [19, с. 52, рис. 3, 4].

Видимо, именно активным развитием обработки цветных металлов на основе привозной сырьевой базы объясняются поставки в Сугдею меди, свинца, имевшие место в это время. Кроме находок слитков на дне гавани города на это же указывает редкий для византийской сфрагистики моливдул второй половины VIII в. или рубежа VIII—IX в. с оттиском имени Феофана халкопрата — торговца медными изделиями [105, с. 93; 106, р. 43–46; 107, с. 252–254, рис. 1, 6; 108, с. 396–397]. Следует согласиться с В. С. Шандровской, что печать могла быть прикреплена к деловому документу, сопровождавшему доставку груза меди или изделий из нее, либо сообщавшему об отсылке товара. Учитывая присутствие в общегородском архиве моливдовулов коммеркиариев таможенно-административного округа Онориды, Пафлагонии и побережья Понта, а также существование у сугдейцев контрагентов в самой столице Империи [15, S. 86, 88; 16, S. 153–155; 17, с. 120–122], такого рода грузы шли морем, а их источником служили северомалоазийские и армянские медные рудники. Отчасти потребителями их продукции могли быть и хазары.

В связи с этим стоит обратить внимание, что, исходя из принятой практики соглашений VIII в., печать наряду с соответствующей грамотой — удостоверением (*sphragidon kai sigillon*), византийские власти предоставляли торговцу, предпринимателю, который вел дела как на территории Империи, так и одновременно на территории другой страны — участницы договора [76, р. 479; 109, р. 66–67; 110, р. 29–31; 111, с. 85]. Отсутствие печати могло повлечь конфискацию товара в государственную казну, без нее была невозможна торговая поездка за границу, что, видимо, подтверждает обязательность наличия аналогичного *sphragidon kai sigillon* у Феофана халкопрата.

Наконец, одна из приписок на полях Сугдейского синаксаря упоминает об обновлении (*ta egekainia*) кафедральной церкви города — Св. Софии, «храма святого Бога Слова Премудрости в городе Сугдее в 6301 (793 г.)» (*agias ou logu sophias polei*

Souгдаia)¹. По мнению А. И. Айбабина, этому легендарному храму соответствует самая большая из известных в Крыму трехапсидных базилик VIII в., открытая в 1978 г. в окрестностях Сугдеи. Расстояние между плечами ее центральной апсиды составляло 12 м, а стены, сложенные из крупных, грубо тесанных плит сланца, были уложены на «постели» [99, с. 243]. К сожалению, раскопки на этом месте не были продолжены и говорить о принадлежности строительных остатков кафедральному храму города следует с большой осторожностью, учитывая его нахождение далеко за пределами оборонительных стен и необычную кладку (если это действительно кладка).

Но в любом случае, похоже, что, вопреки мнению И. А. Баранова, «темные века» не были для сугдейцев и жителей округа, состоявших отчасти из крещенных, оседлых алан, болгар, салтовцев, кризисными, упадочными временами². Если они и контактировали с хазарами в политической плоскости, это было эпизодично, непоследовательно, как и хазарское военное, политико-административное присутствие, о котором, к слову, молчат летописные источники, хронографы, повествующие о походе князя Бравлина, повоевавшего в конце VIII или первой половине IX вв. земли «от Корсуня до Корчева» [31, с. СХLII—СХLIII, 95, гл. 53; 113, с. 191–196].

Таким образом, Сугдея вступила в период раннего средневековья как ромейский город, укрепленный порт, вполне оформившийся центр торговли и ремесла. В VIII в., явно задолго до середины столетия, она уже имела епископскую кафедру и своего предстоятеля. Появление хазар в Таврике привело к включению города в состав «свладения» василевса ромеев и хагана Хазарии на территории полуострова и в этом статусе Сугдея оставалась вплоть до окончательного развала condominiuma после учреждения фемы Климата. Ни остатки материальной и духовной культуры города, греческие, провинциально-византийские в своей массе, ни наличие следов властного вмешательства византийской администрации, фактов подчиненности византийскому императору, ни все более ширившаяся роль крупнейшего христианского религиозного центра на крымской земле не позволяют согласиться с заявлением о том, что с 30–40-е гг. VIII в. Сугдея якобы была захвачена хазарами, болгарскими, салтовцами и превратилась в «столицу Крымской Хазарии», каковой — исключительно праболгарской — оставалась до 40-х гг. X в., когда была разгромлена хазарскими войсками под предводительством Песаха в отместку за поддержку городом союзных Византии войск русов во главе с Хелгу (Халгу) [30, с. 83–84]³. Если это и была своеобразная «столица», то лишь юга Таврики, на которую ромейские власти с конца VII в. до 30-х гг. IX в. смотрели вместе с хазарам как на кондоминатную территорию, а затем целиком забрали под контроль Империи. Только таким образом можно примирить, а значит, объяснить все случаи встречающегося в этом приморском портовом городе одновременного византийского и хазарского властного присутствия, ромейского и «варварского» влияния.

¹ Архимандрит Антонин отметил, что «летоисчисление этой любопытной заметки не подлежит сомнению. Оно записано дважды. В первый раз перо писца прорезало пергамен, что и заставило его повторить написанное. В прилагаемом facsimile можно видеть и то и другое письмо» [65, с. 615, № 135]; ср.: 31, с. CLXIV; 112, с. 127].

² Экономический упадок Сугдеи со второй половины VIII в., постулируемый И. А. Барановым, не вяжется с его же собственными наблюдениями, и, скорее, надуман, дабы гипотетический «захват города хазарами» выглядел убедительнее [см.: 19, с. 52].

³ В качестве последнего примечания к статье стоит заметить, что поход Песаха не имеет надежных датировок, а если Сугдею все же отнести к числу трех городов, разгромленных хазарским военачальником, тогда следуя указанию Кембриджского анонима, она должна была принадлежать «Роману», то есть византийскому императору, и, значит, рассматривалась как ромейский, а не праболгарский, «варварский» город.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен//МАИЭТ. — 1991. — Вып. 2.
2. Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII—X вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук/Институт археологии НАН Украины. — К., 1994.
3. Филиппенко В. Ф. Каламита — Инкерман: крепость и монастырь. — Севастополь, 1997.
4. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
5. Приходнюк О. М. [Рец.]//Археология. — 2000. — № 4 (А. И. Айбабин. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь: Дар, 1999. — 350 с.)
6. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. //АДСВ. — 1999. — Вып. 30.
7. Михеев В. К., Тортика А. А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII—середина X вв.)//Вісник Міжнародного Соломонового університету. — К., 2000. — № 3. — Юдаїка.
8. Майко В. В. Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII—первой половины X вв.//Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. — Севастополь, 2001.
9. Сухоребров В. В. Крымский полуостров в иконоборческую эпоху//Православные древности Таврики. Сб. материалов по церковной археологии. — К., 2002.
10. Бармина Н. И. Контуры перемен: мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья//АДСВ. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 33.
11. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV—XIII века): Учеб. пособие. — Воронеж, 2003.
12. Виноградов А. Ю., Комар А. В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII—начала IX вв. в контексте новых данных эпиграфики//Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2006. — Вып. 2.
13. Археология/Под ред. Б. А. Рыбакова. — Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV—XIII века/Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. — М., 2003.
14. Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII—IX вв. //Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2006. — Вып. 2.
15. Sandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak//SBS. — Washington, 1993. — Vol. 3.
16. Sandrovskaja V. Die neuen Funde au byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim//SBS. — Washington, 1995. — Vol. 4.
17. Шандровская В. С. Таможенная служба в Сугдее в VII—X вв.//Византия и средневековый Крым: АДСВ. — Симферополь, 1995. — Вып. 27.
18. Степанова Е. В. К вопросу о Судакском архиве печатей//Византия и Крым: Проблемы городской культуры: Тезисы докл. VIII науч. Сюзюмовских чтений. — Екатеринбург, 1995.
19. Баранов И. А. Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи//Byzantinorussica. — М., 1994. — № 1.
20. Баранов И. А., Степанова Е. В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи//Археология Крыма. — Симферополь, 1997. — Т. 1. — № 1. — С. 83–84
21. Степанова Е. New Seals from Sudak//SBS — Washington, 1999. — Vol. 6.
22. Степанова Е. В. Судакский архив печатей: предварительные выводы//АДСВ. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 32.

23. Кузьминов А. В. Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — Вып. 1.
24. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры/Под. ред. Г. Ю. Ивакина. — Х., 2005. — Ч. 1.
25. Джанов А. В. Сугдея в III—VII вв.//Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — Вып. 1.
26. Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи//Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1991. — Т. 2.
27. Баранов И. А., Майко В. В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики//Старожитності Русі—України. — К., 1994.
28. Баранов И. А., Майко И. А. Пастирско-пенковска култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика //Българите в Северното Причерноморие — В. Търново, 1995. — Т. 4.
29. Баранов И. А., Майко В. В. Тюркское святилище Сугдеи//РА. — 2001. — № 3.
30. Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII—первой половины X в.//Българите в Северното Причерноморие. — В. Търново, 2000. — Т. 7.
31. Труды В. Г. Васильевского. Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. — Пг., 1915.
32. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. — Cambridge (Mass.), 1936.
33. Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости //Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. — Ростов-на-Дону, 1989.
34. Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как исторический источник по истории Северо-Восточного Причерноморья//Из истории Византии и византиноведения. — А., 1991.
35. Шабашов А. В., Шабашова М. Н. Этимология ойконима «Судак» (к постановке проблемы)//Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2005. — Вып. 2.
36. Фронджуло М. А. Раскопки в Судаке//Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг. — К., 1967.
37. Фронджуло М. А. Раскопки в Судаке//Феодальная Таврика. — К., 1974.
38. Вус О. Приморські фортеці Візантійської імперії у Південному Криму//Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. Наукові зошити історичного факультету. — 2003. — Вип. 5—6.
39. Степанова Е. В. Судакский архив печатей//Археология Крыма. — 1997. — Т. 2.
40. Византийская книга Эпарха. — М., 1962.
41. Oikonomides N. Les listes de preesance byzantines des IXe et Xe siecles. — Paris, 1972.
42. Guillard R. L'eparque de la ville//BS — 1980. — Т. 41.
43. Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дисс. ... канд. ист. наук/Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2004.
44. Шандровская В. С. К толкованию легенды одной свинцовой печати//Историческая роль Константинополя (В память о 550-летию падения византийской столицы). Тезисы докладов XVI Всероссийской науч. сессии византистов, Москва 29—30 мая 2003 г. — М., 2003.
45. Степанова Е. В. Связи Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов //Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. — Севастополь, 2001.
46. Степанова Е. В. Новые находки из судакского архива печатей//Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси—Украины. Материалы науч. конф. — К.; Судак, 2002.

47. Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона//МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7.
48. Иванов С. А. Житие Стефана Сурожского и хазары//Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. — М., 2002.
49. Майко В. В. Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в.//Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докл. — Ростов-на-Дону, 1998.
50. Майко В. В. К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в.//Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — Запоріжжя, 2000.
51. Майко В. В. Археологические аспекты религиозного сикретизма Крымской Хазарии VIII—первой половины X в.//Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. — Севастополь, 2001.
52. Пономарев А. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген //БИ. — Симферополь; Керчь, 2004.
53. Фарбей О. М. Іудаїзм на тлі релігійної ситуації у Південно-Східній Тавриці VIII—X ст.//Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2005. — Вып. 2.
54. Виноградов А. Ю., Джанов А. В. Греческие надписи Сугдеи//Сугдейский сборник. — К., 2004. — Вып. 1.
55. Тортика А. А. Экологическая возможная численность кочевого населения Великой Болгарии (Старой Болгарии, Болгарии Кубрата) — вторая-третья четверть VII в. н. э.//Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.; Судак, 2002.
56. Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства//Археологія. — 2003. — № 1.
57. Мозаричев Ю. М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода//ПИФК. — М.; Магнитогорск, 2003. — Вып. 13.
58. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде//ИТУАК. — 1920. — № 57.
59. Якобсон А. А. Раннесредневековый Херсонес//МИА. — 1959. — № 63.
60. Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962.
61. *Le synaxaire armenien de Ter Israel*//Patrologiae Orientalis. — Paris, 1930. — Vol. 21.
62. *Darrouzes J. A. A. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae.* — Paris, 1981.
63. Мозаричев Ю. М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков)//ПИФК — М.; Магнитогорск, 2001. — Вып. 10.
64. Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты//МАИЭТ. — 2001. — Вып. 8.
65. *Архимандрит Антонин.* Заметки XII—XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдеи (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре//ЗООИД. — 1863. — Т. 5.
66. Мордвинцев В. М., Кисиль И. А. Двухапсидные храмы Крыма//Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.; Судак, 2002.
67. Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII—IX вв.//АДСВ: Античные традиции и средние века. — Свердловск, 1980.
68. *Moravcsik G. Byzantiniturcica.* — Berlin, 1958. — Bd. 2.
69. *Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars.* — Princeton; New Jersey, 1954.
70. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990.
71. Гольден П. Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов //Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. — М., 1993.

72. Зуев Ю. А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. — М.; Алматы, 1998. — Вып. 2.
73. Подосинов А. В. Еще раз о происхождении имени города Керчь// Антический мир. Византия. — Х., 1997.
74. Сорочан С. Б. Византия IV—IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. — Х., 2001.
75. Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Раскопки на территории Судакской крепости в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр.: Збірка наук. прац. — К., 2003. — Вып. 5.
76. *Theopbanis Chronographia ex rec. C. de Boor.* — Lipsiae, 1883. — Vol. 1.
77. *Rochow I. Kaiser Konstantin V (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben.* — Frankfurt am Main, 1994.
78. Байер Х-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. — Екатеринбург, 2001.
79. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano/Ed. H. Delehaye. Acta Sanctorum. Propilaeum ad Acta Sanctorum Novembris.* — Bruxelles, 1902.
80. *Mango C. Le developpement urbain de Constantinople IVE—VIIe siecles.* — Paris, 1985.
81. Сорочан С. Б. Византия IV—IX веков: этюды рынка. — Х., 1998.
82. Матанов Хр. Чумни пандемии и история. «Юстиниановата чума» и «Черната смърт»: два повратни периода в историята на средновековните Балкани// *Civitas Divino-Humana* в чест на професор Георги бакалов. — София, 2004.
83. *Sevcenko I. Hagiography of the Iconoclast Period// Iconoclasm/Ed. A. Bryer, J. Herrin.* — Birmingham, 1977.
84. Беляев С. А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука// Макарий (Булгаков). История русской церкви. — М., 1994. — Кн. 1.
85. *Auzepy M.-F. Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques// МАИЭТ.* — 2000. — Вып. 7.
86. Мозаричев Ю. М. К вопросу о начальной истории Сугдейской епархии// Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религиоведению. Тез. докл. и сообщ. — Севастополь, 2003.
87. Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум?// ПИФК — М.; Магнитогорск, 2002. — Вып. 12.
88. *Stephanus Constantinopolitanus Diaconus in vitam et martyrimum beatissimi et sancti martyris Stephani Junioris...// PG.* — 1864. — Т. 100.
89. Герцен А. Г., Мозаричев Ю. М. Иконоборческая Таврика// Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 26). — Барнаул, 1992.
90. Плетнева С. А. Хазары. — М., 1986.
91. *Вестберг Ф. О жизни св. Стефана Сурожского// ВВ.* — 1908. — Т. 14. — Вып. 1.
92. *Darrouzes J. Listes episcopales du concile de Nicee (787)// REV.* — 1975. — Т. 33.
93. *Деяния Вселенских соборов: В 4 т.* — СПб., 1996. — Т. 4.
94. *Кеттен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических.* — СПб., 1837.
95. *Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII—середине IX вв.// ПИФК.* — М.; Магнитогорск, 2002. — Вып. 12.
96. *Византийский Херсон. Каталог выставки.* — М., 1991.
97. *Моця А. П. Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму// Сугдейский сборник.* — К.; Судак, 2004. — Вып. 1.
98. *Баранов И. А. Сугдея в VII—XIII вв. К проблеме формирования средневекового города// Труды Пятого международного конгресса славянской археологии.* — М., 1987. — Т. 1. — Вып. 2а.

99. Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма//Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 3.
100. Баранов И. А. Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи//Археологические исследования в Крыму. 1993 год. — Симферополь, 1994.
101. Шаповалов Г. И. О находках культовых моделей якорей в Крыму//Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.; Судак, 2002.
102. Гурулева В. В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак //Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — Вып. 1.
103. Гурулева В. В. Граффити на золотых византийских монетах VIII в. из коллекции Эрмитажа//Одиннадцатая Всеосийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тез. докл. и сообщ. — СПб., 2003.
104. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — К., 1990.
105. Шандровская В. О нескольких находках византийских печатей в Крыму//Византия и Крым. Международ. конф. Тез. докл. — Симферополь, 1997.
106. Sandrovskaja V. Das Siegel eines ХАЛКОПРАТНС aus Sudak//SBS. — Washington, 1994. — Vol. 6.
107. Шандровская В. С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму //МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7.
108. Шандровская В. С. Печати византийских торговцев VIII–IX вв.//МАИЭТ. — 2003. — Вып. 10.
109. Miller D. A. Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1024 AD//BS. — 1971. — Т. 32. — F. 1.
110. Oikonomides N. Tribute or Trade? The Byzantine-Bulgarian Treaty of 716//Studia Slavico-Byzantina et Medievalia Europensia. — 1988. — Vol. 1.
111. Соболева Н. А. Русские печати. — М., 1991.
112. Брун Ф. Материалы для истории Сугдеи//Брун Ф. Черноморье. — Одесса, 1880. — Ч. 2.
113. Горский В. О походе русских на Сурож//ЗООИД. — 1844. — Т. 1.
114. Археологія України. Курс лекцій/За ред. А. Л. Залізняка. — К., 2005.

Summary

S. Sorochan. About situation and status of Sugdeja in VI–IX centuries

In the article are investigated all facts of written and archaeololgical sources which concern to presence in Sugdeja the authorities of Byzantium and Khazars qaghanate. They do not allow to judge domination Khazar's in city. It was not bulgarian, bat byzantian centre. From the end of VII centurie before the time of formation in Crimea the thema of Climate it had the condominium status of Byzantium and Khazar qaghanate.

